

ской стихии въ красной арміи». Всюду разсыпано много бытовыхъ сценъ и чертъ, оживляющихъ изложение и играющихъ роль доказательныхъ документовъ.

Какъ ни остороженъ авторъ, онъ все же приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ. «Ни революціонной, ни социалистической, ни пролетарской и ни красной, даже въ самомъ расплывчатомъ смыслѣ этихъ словъ», нынѣшняя армія СССР не является. Красная армія, какъ опора коммунистическаго режима — опора ненадежная. Есть дисциплина, но нѣтъ вѣры. Есть выправка, но нѣтъ вдохновенія. Есть культъ и ритуаль, но нѣтъ религіи. Россійская армія нашихъ дней — не революціонная, а оппортунистическа-консервативная; не социалистическая, а мелкобуржуазная; не пролетарская, а крестьянско-мѣщанская; не интернациональная, а истинно-русская. Она — армія русскаго народа, съ народомъ тѣсно связанная, его соками питающаяся, его эволюціи подверженная. Красная армія остается плотью отъ плоти и костью отъ кости грандіознаго крестьянскаго массива Россіи».

Таковъ идейный, культурно-психологическій и социально-политическій портретъ красной арміи, сдѣланный авторомъ въ его цѣнной книгѣ. Этотъ портретъ для многихъ можетъ показаться неожиданнымъ — но въ книгѣ имѣется множество фактическаго матеріала, подкрѣпляющаго такую характеристику.

В. Зензиновъ.

Новый Градъ. Кн. 1-ая, подъ ред. И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова. Парижъ, 1931.

Анонсы о предстоящемъ выходѣ первой книжки «Новаго Града» возбудили въ близкихъ къ литературѣ кругахъ не малый интересъ и ожиданія. Имена его редакторовъ и сотрудниковъ (Н. А. Бердяевъ, Ф. А. Степунъ, Г. П. Федотовъ, И. И. Бунаковъ, о. С. Булгаковъ, Н. А. Лосскій и др.) связаны у читающей публики съ представляемымъ объ известномъ философскомъ и общественномъ теченіи, которое не первый годъ защищаетъ необходимость выработки цѣлостнаго міросозерцанія на религіозной основѣ. Персональная комбинація участниковъ «Новаго Града», въ числѣ которыхъ имѣется одинъ изъ редакторовъ «Современ. Записокъ» и рядъ постоянныхъ сотрудниковъ нашего журнала, подала даже поводъ къ пущенному въ печати слуху о якобы произошедшемъ въ «Совр. Зап.» редакціонномъ «трасколѣ» и о «выдѣленіи» въ новый журналъ нѣсколькихъ его постоянныхъ сотрудниковъ. Какъ будто не естественно само по себѣ право любой группы участниковъ нашего коалиціоннаго журнала, продолжая сотрудничать въ немъ, въ то же время развивать дороги ей идеи съ болѣею полнотой и свободой въ своемъ особомъ изданіи.

Участники «Н. Г.» — писатели старшаго поколѣнія, со взглядами давно сложившимися и всѣмъ известными. Отъ «Н. Г.» мы не въ пра-

въ поэтому ожидать новаго слова, журналъ лишь новая, въ опредѣленныхъ нѣляхъ создававшая группировка литературныхъ дарованій.

Горячо, съ большимъ подъемомъ написанная вводная редакціонная статья намѣчаетъ тѣ положенія, которыя объединяютъ строителей «новаго града».

«Въ старомъ городѣ становится невозможно жить», заявляютъ авторы предисловія; полуразрушенный катастрофой войны, онъ живетъ въ предчувствіи быть можетъ послѣдняго для него удара. Весь міръ потрясается кризисами, знаменующими упадокъ современнаго строя. Рабочіе готовятся къ штурму капиталистическаго общества. Демократія оказывается безсильной создать власть, способную бороться съ грозной бѣдой. Перспективы новой міровой войны уже затмиваютъ горизонтъ кровавыми зорями. «Сѣрный дождь уже падаетъ на кровли и башни родного Содома. Намъ запрещено даже оглядываться, чтобы не застыть солянымъ изваяніемъ отчаянія».

Авторы призываютъ не поддаваться искусительной мысли объ апокалипсисѣ культуры. Духовныя силы человечества не исчерпаны. Изъ старыхъ хамней, но по новымъ зодческимъ планамъ надо строить новый Градъ. Открывающаяся передъ нами эпоха стоитъ подъ знакомъ практическаго разрѣшенія социальнаго вопроса. Ни фашизмъ, ни коммунизмъ не являются выходомъ, ибо они нарушаютъ вѣчную правду личности и ея свободы. Социализмъ, понятіе «слишкомъ многосмысленное», также не можетъ служить руководящей идеей. Авторы предпочитаютъ называть рисующійся имъ будущій строй «трудовымъ». Но послѣднее основаніе своему общественному идеалу они полагаютъ въ религію, ибо только въ христіанствѣ могутъ быть органически объединены свобода личности и правда общегитія.

Редакціонная декларація «Н. Г.», изложенная въ выраженіяхъ весьма, быть можетъ даже слишкомъ общихъ, не раскрываетъ содержанія своего «трудового» идеала и осторожно обходитъ острые вопросы о путяхъ борьбы за него. Но, если не притираться къ нѣкоторымъ выраженіямъ и не относиться настороженно къ нѣкоторымъ умолчаніямъ, — общее впечатлѣніе декларація оставляетъ положительное. Новый журналъ заостренъ на социальной проблемѣ, огромное значеніе которой для нашей эпохи самоочевидно. Подчеркнутое въ деклараціи утвержденіе правъ личности и свободы должно какъ будто опредѣленно отмежевать «Н. Г.» отъ двусмысленныхъ «пореволюціонныхъ» теченій, тяготеющихъ то къ большевизму, то къ доморощенной русской гитлеровщинѣ. Устранивъ споръ о терминахъ — вѣдь и англійская социалистическая партія тоже называетъ себя «трудовой», — не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ однимъ изъ вариантовъ того же социализма, и при томъ стоящаго на почвѣ демократіи? Религіозное обоснованіе «трудового» идеала — вотъ то, что въ такомъ случаѣ существенно и, съ точки зрѣнія нишушаго эти строки, только къ выгодѣ для новаго теченія, отличало бы послѣднее. Это была бы своеобразная попытка преодолѣть духовный разрывъ, издавна сущест-

вующий между русскимъ социалистическимъ движеніемъ, традиціонно-безрелигіознымъ, и русскимъ православіемъ, традиціонно-чуждымъ социальнымъ исканіемъ современности.

Что такое, нами здѣсь подсказываемое, толкованіе редакціонной деклараціи вполнѣ возможно, это, повидимому, внѣ спора, — намъ, кстати, приходилось его слышать въ средѣ ближайшихъ участниковъ «Н. Г.». Но является ли оно, при неопредѣленности редакціонныхъ формулировокъ, единственно возможнымъ, опредѣляющимъ общественныя позиціи журнала? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны искать въ конкретномъ содержаніи помѣщенныхъ въ журналѣ статей.

Первая книжка «Н. Г.» составлена очень живо и содержательно, — объ этомъ свидѣлствуетъ перечень главнѣйшихъ помѣщенныхъ въ ней статей. Статья Г. Федотова посвящена проблемѣ русскаго національнаго сознанія въ условіяхъ измѣнишагося внутренняго и международнаго положенія Россіи. Богословско-догматическая статья о. С. Булгакова ставитъ вопросъ о религіозномъ смыслѣ хозяйственной дѣятельности. И. Бунаковъ развиваетъ свою излюбленную тему объ «орденѣ русской интеллигенціи», одушевленномъ цѣлостнымъ міросозерцаніемъ. Трагическая по содержанію и выводамъ статья С. Гессена даетъ блестящій анализъ школьной политики совѣтской власти за послѣдніе годы. Всѣ эти и другія статьи и замѣтки, разнообразныя по содержанію и талантливныя по формѣ, сами по себѣ не вызываютъ сомнѣній съ точки зрѣнія общаго направленія журнала, — но и мало опредѣляютъ его. Нѣтъ въ первой книжкѣ «Н. Г.» ни одной руководящей статьи, которая отвѣтственно, за весь журналъ въ цѣломъ, давала бы отчетливый отвѣтъ на всѣ обойденные въ редакціонномъ предисловіи острые вопросы, и на первѣйшій изъ нихъ — о точномъ смыслѣ утверждаемой «Н. Г.» свободы. Правда, этой темы отчасти касаются въ своихъ статьяхъ два автора — Н. Бердяевъ («Парадоксы свободы въ социальной жизни») и Ф. Степунъ («Путь творческой революціи»). Но именно то обстоятельство, что эти двѣ статьи не имѣютъ противовѣса въ руководящихъ статьяхъ иного настроенія, и налагаетъ, къ сожалѣнію, на новый журналъ односторонній, свѣдѣйскій и далеко не всѣмъ потенциальнымъ друзьямъ «Н. Г.» приемлемый отпечатокъ. Остановимся поэтому на нихъ нѣсколько подробнѣе.

По своему общему тону и настроенію статьи Бердяева и Степуна — чрезвычайно близки. Когда то, не такъ давно, въ «Совр. Зап.» Ф. Степунъ еще весьма критически относился къ противорѣчіямъ Бердяевскаго міросозерцанія, пытаясь какъ-то различать «хорошаго» Н. А. Бердяева отъ развиваемой имъ дурной, соблазнительной «бердяевщины». Времена мѣняются, и теперь Ф. Степунъ уже вмѣстѣ съ Н. Бердяевымъ, недавно въ «Утвержденіяхъ», а сейчасъ въ «Новомъ Градѣ», ведутъ одну и ту же соблазнительную политическую линію.

Разлагающійся буржуазно-капиталистическій міръ и несущая все же какое то новое слово Совѣтская Россія — въ такомъ обычномъ для всѣхъ «революціонныхъ» теченій противопоставленіи развивается въ

«Н. Г.» диалектика Бердяевских и Степуновских рассуждений. Неодинакова и мера оцѣнки: пристрастная суровость въ обличеніи дѣйствительныхъ и мнимыхъ грѣховъ капиталистическаго общества и нарочитая «объективность», непонятный оптимизмъ, изумительное благодушіе въ сужденіяхъ о вопиющей дѣйствительности совѣтской. Гдѣ источникъ такой странной двойственности, въ чемъ коренится впадения ея порочность?

Антикапиталистическія настроенія, характерныя раньше только для одного социализма, менѣе всего могутъ въ наши дни служить опредѣляющимъ признакомъ какого либо общественнаго теченія: отрицаніе капитализма прикрываетъ собою теперь слишкомъ различныя въ социально-политическомъ отношеніи «утвержденія», — отъ Ленинскаго до Гитлеровскаго. Необходимъ иной, положительный и четкій критерій, на которомъ только и должны въ нашу отвѣтственную эпоху создаваться реальныя, а не мнимыя и словесныя только, идейныя и общественныя согласія или расхожденія. И не на высотахъ абстракціи, а на нашей грѣшной землѣ, гдѣ въ жестокой борьбѣ рѣшается сейчасъ судьба реальныхъ, хотя и относительныхъ цѣнностей, надо искать такой критерій. По различному отношенію къ принципу свободы, демократіи, а не къ абсолютной христіанской истинѣ или къ интегральному социализму, оказываются сейчасъ люди въ разныхъ общественныхъ лагеряхъ, а нерѣдко и по разнымъ сторонамъ баррикады.

Общественныя позиціи Бердяева и Степуна въ «Н. Г.» (будемъ надѣяться, что не позиціи самого «Н. Г.») также опредѣляются не ихъ социальнымъ радикализмомъ, а кроющимся подъ нимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ эмпирической демократіи и свободѣ. Правда, отвергаютъ они несовершенную, «формальную» свободу во имя абсолютной свободы христіанской, обращенной къ истинѣ («познайте Истину и Истина слѣдуетъ вамъ свободными»). Но въ скорбной жизни человѣчества, лишь медленно и съ трудомъ расширяющаго объемъ правъ личности и свободы, такой духовный максимализмъ въ отношеніи цѣнностей относительно обществу безплоденъ, морально безотвѣствененъ. За гражданскими и политическими свободами и Бердяевъ отрицаетъ ихъ автономную цѣнность, даже относительно, ихъ положительное значеніе для трудящихся. Современная демократія и современная свобода для бывшаго марксиста — лишь вышніе атрибуты капиталистическаго строя: «свобода въ капиталистическомъ обществѣ является прикрытіемъ интересовъ буржуазныхъ классовъ», повторяетъ онъ въ «Н. Г.», «политическія права не даютъ трудящимся никакой возможности реализовать экономическое право на жизнь» и т. п.

Въ чашии «новаго града», гдѣ осуществится не формальная только, а реальная свобода, можно съ философическимъ спокойствіемъ взирать на происходящую въ современномъ обществѣ борьбу враждебныхъ силъ. Ф. Степуна, для котораго формальная демократія объективно есть зло (хотя и наименьшее), — «безразлично, кто сейчасъ побѣдитъ въ схваткѣ между капитализмомъ и коммунизмомъ, тѣмъ

болѣе, что онъ почему то не сомнѣвается въ благополучномъ ея исходѣ, — одновременной смерти обонхъ «сиамскихъ близнецовъ». Если капитализмъ, умершій въ душахъ Бердяева и Степуна, еще существуетъ въ жизни, то въ этомъ повинны только зап.-европейскіе социалисты, «половинчатые», «зараженные буржуазно-индивидуалистическимъ духомъ», и потому не рѣшающіеся использовать громадное усиленіе своего вліянія въ послѣвоенной Европѣ для коренного измѣненія социальнаго строя. Впрочемъ, и побѣда демократическаго социализма означала бы лишь временную отсрочку окончательнаго заката обонхъ капитализму, социализму и коммунизму духовныхъ основъ культуры. Намъ трудно понять, какимъ образомъ, если не въ порядкѣ чуда, должно послѣ этого вдругъ наступить царство «новаго града», когда его строители заранѣе отрываются отъ всякой преемственной связи съ современнымъ освободительнымъ движеніемъ трудящихся.

Суровые обличители несовершенной свободы формальной, непримиримые максималисты по отношенію къ буржуазной Европѣ, — остаются ли они такими въ отношеніи вовсе безправной, закрѣпощенной Совѣтской Россіи?

Вопросъ, увя, только риторическій. Если вульгарный эмигрантскій антибольшевизмъ грѣшитъ огульнымъ отрицаніемъ возможности какихъ бы то ни было жизненныхъ и творческихъ процессовъ въ русскомъ народѣ подъ совѣтской властью, то типичная для нашихъ «пореволюціонныхъ» теченій душевная установка требуетъ непремѣннаго признанія грандіозныхъ творческихъ достиженій въ современной Россіи, — конечно, не «благодаря» большевикамъ, но хотя бы «слѣдствіе» большевицкой революціи. «Пореволюціонныя» утвержденія на этотъ счетъ всегда категоричны, но и бездоказательны. Для Ф. Степуна, разумѣется, «не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію» производственно-технической услѣхъ Совѣтской Россіи, какъ ясно, что совѣтская власть въ настоящее время является «грозной міровой силой». Въ Сов. Россіи рождается образъ новаго человѣка, Россіи предстоитъ первой выйти на новый путь духовнаго, культурнаго и социальнаго творчества, и т. п. Здѣсь, въ преувеличенной оцѣнкѣ жизненности совѣтскаго строя, къ Степуну оказывается близокъ И. Бунаковъ. Онъ тоже увѣренно заявляетъ: «невѣрно, что большевицкая власть разрушаетъ хозяйственную мощь Россіи, — наоборотъ, при ней русское народное хозяйство возстанавливается. И. Бунаковъ достовѣрно знаетъ, что еще съ самаго начала большевики не заговорщики захватили власть, а были вынесены къ ней народной стихіей, и что ихъ власть до сихъ поръ опирается на миллионы душъ, слѣпо вѣрующихъ въ святость коммунистическаго ученія. Извѣстно, что эта «слѣпая вѣра» вознаграждается для коммунистической олигархіи исключительными привилегіями, и только отъ самого совѣтскаго правительства зависитъ въ любой моментъ допустить удесятереніе числа «вѣрующихъ». Боямся, какъ бы при такихъ условіяхъ дѣятельность И. Бунакова по «своду отъ совѣтской власти душъ» этихъ людей не оказалась работой Данаидъ...

Но что поистинѣ становится долѣе непереносимымъ, такъ это-постоянное стремленіе Бердяева и Степуна приписывать большевизму тоже «религіозную» природу: какая пустая игра словъ, какая вредная схоластика! Всемъ извѣстно, что большевики — крайніе позитивисты, плѣненные мощью матеріальной техники, наиболее жестокіе въ исторіи человечества гонители религіи. Ничего: небольшое словесное ухищреніе — и большевики становятся «религіозно утверждающими атеистическую цивилизацію» (Степунъ). Но вотъ какіе ужъ все страшные выводы изъ этого еще невиннаго парадокса рѣшается дѣлать въ «Н. Г.» Бердяевъ. Оказывается, въ Сов. Россіи тоже существуетъ свобода, но особая, «совѣтская». Она, какъ «обращенная къ истинѣ», хотя и насильнической, — съ точки зрѣнія Бердяева выше «равнодушной къ истинѣ» свободы формальной, «буржуазной». Эта свобода, которой пользуются счастливые граждане Сов. Россіи, заключается въ «возможности коллективно реализовать свою энергію въ строительствѣ новой жизни, въ переустройствѣ міра». И Бердяевъ утверждаетъ, что молодые люди, приѣзжающіе изъ Сов. Россіи во Францію, «задыхаются здѣсь отъ отсутствія настоящей свободы, которую они ощущали въ Россіи».

Должны признаться: передъ ужасомъ всего совершающагося въ Россіи, намъ трудно безъ очень тяжелого и горькаго чувства читать эти измышленія объ энтузіазмѣ и религіозномъ пафосѣ у палачей, о неслыханной свободѣ коллективнаго творчества у обращеннаго въ рабство народа.

Статьи Бердяева и Степуна въ значительной мѣрѣ обезцѣниваютъ положительное впечатлѣніе отъ редакціонной деклараціи и общаго содержанія первой книги. Онѣ ставятъ неизбѣжный вопросъ, по какому же изъ двухъ возможныхъ путей, демократическому или анти-демократическому, намѣренъ пойти новый журналъ? Или вопросъ объ автономной цѣнности формальной свободы является для руководителей «Н. Г.» еще дискуссионнымъ?

Не будемъ торопиться съ окончательнымъ сужденіемъ относительно общественнаго курса «Н. Г. и выразимъ надежду, что ближайшія книжки журнала разсѣютъ наши тревожныя сомнѣнія.

В. Рудневъ.